

МРНТИ 03.20

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЙМЕ МУЛЛИНОЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Абдулхаиров Абжемиль Закерьянович^{1*}
Баяхметов Серик Умутбаевич^{2*}

¹к.п.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, <https://orcid.org/0009-0006-1525-470X>, e-mail: abzhemil@mail.ru

²доктор философии (PhD), член Академии Педагогических наук Казахстана, научный сотрудник филиала Института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в городе Астана, <https://orcid.org/0000-0003-4527-6900>, e-mail: bayakhmetserik@gmail.com

Аннотация. В статье авторами на базе открытых архивных данных и материалов СМИ, исторических источников и энциклопедий была предпринята попытка показать трудовую и творческую деятельность представителя крымскотатарской науки Райме Муллиной в Крыму и в Казахской ССР. Как известно, Великая Отечественная война и ее последствия отразились на судьбы людей и целых народов, которые были эвакуированы или насильственно выселены с родины в Сибирь, на Урал и республики Средней Азии. В числе таких народов были и крымские татары, исторические события в Крыму и в целом в СССР, отпечатались на их судьбе, сделав из них народ-изгой, так как он был разбросан по различным местам спецпоселений. Большая часть крымских татар проживала в Узбекской ССР, остальные были группами расселены на Урале и в Казахской ССР. По материалам архивных данных Республики Казахстан были выявлены неизвестные факты о представителях крымскотатарской интеллигенции, которые оставили след в культурно-просветительской сфере.

Ключевые слова: Крым и крымские татары, крымскотатарская интеллигенция, Казахская ССР, Райме Муллина, архивные документы, эвакуация.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ (ИРН: BR24993057) «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

ХҒТАР 03.20

РАЙМЕ МУЛЛИНАНЫҢ ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІ: ДЕРЕКТАНУ ТАЛДАУЫ

Абдулхайров Абжемиль Закерьянович^{1*}

Баяхметов Серік Үмітбайұлы^{2*}

¹п. ф. к., доцент, Февзи Якубов атындағы Қырым инженерлік-педагогикалық университетінің Әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының доценті, <https://orcid.org/0009-0006-1525-470X>, e-mail: abzhemil@mail.ru

²философия докторы (PhD), Қазақстан Педагогика Ғылымдары Академиясының мүшесі, Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Астана қаласындағы филиалының ғылыми қызметкері, <https://orcid.org/0000-0003-4527-6900>, e-mail: bayakhmetserik@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада ашық архивтік деректерге, бұқаралық ақпарат құралдарының материалдарына, тарихи дереккөздер мен энциклопедиялық еңбектерге сүйене отырып, Райме Муллинаның Қырым мен Қазақ КСР-індегі еңбек және шығармашылық қызметі сипатталады. Белгілі болғандай, Ұлы Отан соғысы және оның салдары адамдар мен тұтас халықтардың тағдырына әсер етті – олардың кейбірі эвакуацияланды, ал басқалары Сібірге, Оралға және Орта Азия республикаларына күштеп қоныс аударылды. Сол кезеңде қырым татарлары да қуғын-сүргінге ұшырап, арнайы қоныстарға жіберілген халықтардың қатарында болды. Олардың басым бөлігі Өзбек КСР-інде қоныстандырылса, кейбір топтары Орал мен Қазақ КСРінің әртүрлі аймақтарына орналастырылды. Қазақстан Республикасының архивтік материалдарына сүйене отырып, мәдени-ағартушылық салада із қалдырған қырымтатар интеллигенциясы өкілдері туралы бұрын беймәлім болған деректер анықталды. Мақалада әсіресе Райме Муллинаның депортация жағдайында қырым татарларының рухани мұрасын сақтаудағы және дамытудағы рөліне ерекше назар аударылады.

Түйін сөздер: Қырым, қырым татарлары, қырымтатар интеллигенциясы, Қазақ КСР-і, Райме Муллина, архивтік құжаттар, эвакуация, депортация.

Алғыс айту: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің BR24993057 ЖТН: «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен санатшаларын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» жобасы аясындағы қаржылық қолдаумен дайындалды.

IRSTI 03.20

THE LIFE AND WORK OF RAIME MULLINA: SOURCE ANALYSIS

Abzhemil Abdulkhairov^{1*}

Serik Bayakhmetov^{2*}

¹Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, <https://orcid.org/0009-0006-1525-470X>, e-mail: abzhemil@mail.ru

²Doctor of Philosophy (PhD), member of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan, Researcher at the branch of the Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana, <https://orcid.org/0000-0003-4527-6900>, e-mail: bayakhmetserik@gmail.com

Abstract. This article, based on open archival data, media sources, historical records, and encyclopedic publications, attempts to shed light on the professional and creative work of Crimean Tatar scholar Raime Mullina in Crimea and the Kazakh SSR. As is well known, the Second World War and its aftermath had a profound impact on the lives of individuals and entire nations, many of whom were evacuated or forcibly displaced to Siberia, the Urals, and the republics of Central Asia. Among those affected were the Crimean Tatars, whose fate was shaped by historical events in Crimea and the broader Soviet Union, rendering them a marginalized people scattered across numerous special settlements. While most Crimean Tatars were relocated to the Uzbek SSR, smaller groups were resettled in the Urals and the Kazakh SSR. Archival materials from the Republic of Kazakhstan have revealed previously unknown facts about members of the Crimean Tatar intelligentsia who made significant contributions to cultural and educational life. The article focuses particularly on the fate and work of Raime Mullina, highlighting her role in preserving and promoting Crimean Tatar cultural heritage under the conditions of forced displacement.

Keywords: Crimea and Crimean Tatars, Crimean Tatar intelligentsia, Kazakh SSR, Raime Mullina, archival documents, evacuation, deportation.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the process of their full rehabilitation» (Registration number: ИПН: BR24993057).

Постановка проблемы Тема, связанная со сталинскими репрессиями, депортацией народов СССР, остается актуальной в научно-историческом дискурсе. С ослаблением политической системы в конце 80-х годов XX века, а в дальнейшем и развалом Советского союза в 1991 году вскрылись подлинные факты о механизме репрессивной системы в 1920–1950 гг. и процессе насильственного выселения этнических групп СССР с мест проживания в отдаленные места огромного Советского государства.

Как известно, насильственное выселение началось еще в довоенные годы. Оно обосновывалось идеологической политикой СССР, базирующейся на том, что внутри государства появляются «враги», которые ведут подрывную деятельность против существующего правящего режима и с которыми необходимо бороться ради всеобщей блага страны. Обвинениям в подрыве

режима, в измене Родине стали подвергаться не только отдельные личности, но и целые народы.

Известно, что различные исторические события, развивающиеся в годы войны, меняют как политические и экономические процессы государств, так и влияют на социальную жизнь обычных людей. Начавшаяся Великая Отечественная война в 1941 году, когда на территорию Советского союза вероломно вторглась фашистская Германия, длилась четыре года и за это время унесла миллионы жизней советских граждан, повлекла за собой эвакуацию мирных жителей. «Через пять дней после начала войны, когда уже значительная часть территории была захвачена войсками фашистской Германии, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». [1, С. 73-84]

Массовая эвакуация населения, проведенная в первые годы войны, была бескомпромиссной в мировой истории по своим масштабам и срокам, так и по условиям, в которых она проводилась. Стремительное продвижение фашистских войск в глубь территории СССР и жестокая оккупационная политика на захваченных землях вызвали необходимость эвакуации материальных и людских ресурсов СССР в отдаленные районы страны – Восточная Сибирь, республики Средней Азии. Согласно предварительным результатам изучения данных переписи эвакуанов от 1 февраля 1942 г. и по ряду других источников из угрожаемой зоны удалось переместить на Восток различными видами транспорта в 1941–1942 гг. около 17 млн. человек. [2]

Казахская ССР в годы Великой Отечественной войны оказалась стратегическим центром эвакуации промышленных объектов, театров, высших и средних учебных заведений и других важных материальных ценностей. Наряду с этим на территорию Казахстана прибыло огромное количество эвакуированных граждан, чьи судьбы будут в дальнейшем связаны с историей развития Казахской ССР. География эвакуированных граждан была обширной, она включала разные уголки СССР: «К сентябрю 1941 г. в Казахскую ССР прибыло 24 258 чел., в том числе из РСФСР – 10 941, УССР – 6 620, БССР – 5 159, Карело-Финской ССР – 550, Литовской ССР – 231, Латвийской ССР – 294, Эстонской ССР – 158, Молдавской ССР – 113, Крымской АССР – 11 181, других регионов СССР – 181 чел.» [2, С.17]. В перечне регионов указывается Крымская АССР, с территории которой в первые годы войны было эвакуировано: «К началу ноября 1941 г. из Крыма было эвакуировано чуть более 80 тысяч человек. К 16 ноября вермахт занял весь Крым, кроме г. Севастополя, который держался до июля 1942 г. С учетом эвакуации из Севастополя, Крым к январю 1942 г. покинуло 98,5 тысяч мирных жителей, а к июлю 1942 – примерно 130 тысяч человек» (Гольденберг & Гольденберг, 2019), [10]. Таким образом, на территорию Казахской ССР было эвакуировано из Крыма приблизительно более 11 тысяч человек. При этом надо отметить, что в течение войны количество крымчан в Казахстане увеличивалось. Оно было связано в дальнейшем и с насильственным выселением с родины многих народов и расселением трудовой армии с целью пополнения рабочей силы на промышленных и

народнохозяйственных объектах. Таким образом, поднимая вопрос о времени поселения представителей крымских татар в Казахской ССР, основываясь на архивные материалы, можно с уверенностью утверждать, что отдельная часть прибыла задолго до депортации 1944 года в процессе эвакуации.

Материалом для исследования послужили архивные данные городов Алматы и Алматинской области, Астаны, Атырау, Центрального Государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Архив Президента Республики Казахстан (далее – АПРК) [9], Государственный архив Атырауской области (далее – ГААО), ведомственные архивы высших учебных заведений [8], а также научные работы историков и политологов Казахстана, России и др.

Методы. При исследовании материалов и источников были использованы традиционные методы изучения истории: диахронный метод, который позволяет выстроить чёткую периодизацию в истории крымскотатарского народа в период с 1941 г. по 1989 г., идеографический метод используется для изучения исторических событий данного периода и исследования биографии отдельных личностей из числа крымских татар сквозь призму той эпохи, в которую они жили, а также тщательный анализ архивных материалов, хранящихся в базе данных Республики Казахстан.

Обсуждение. В данном исследовании речь идет об одной малоизвестной странице в истории крымскотатарского народа. Возможно, это будет единичный случай, но на наш взгляд, это откроет новое в подходе изучения истории с объективной точки зрения. Учитывая при этом, что крымские татары были гражданами СССР и события вначале войны одинаково коснулись как всех советских людей: мобилизация в ряды Советской армии, эвакуация в отдаленные регионы страны, работа в тылу и др. Как известно, в 1944 году крымские татары были принудительно переселены из Крымской АССР. Они были высланы в различные районы СССР, регионы, как правило с суровыми природноклиматическими условиями – РСФСР на Урал, Среднюю Азию Узбекистан, Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Всего из Крыма было депортировано 44689 крымскотатарских семей, или 191088 человек. Из этого количества 1268 семей (4501 человек) прибыли в Казахстан. (Российский государственный архив социально-политической истории), [3, РГАСПИ, 396:79.]

Однако в центре нашего исследования раскрыть неизвестные факты о крымских татарах, которые были эвакуированы в 1941–1942 гг. из Крымской АССР как работники в составе некоторых промышленных объектов и ведомственных учреждений. В результате тщательного анализа архивных материалов Казахстана нами были выявлены известные представители крымскотатарской интеллигенции, об их жизни и деятельности в годы войны и после ее окончания в истории Крыма какие-либо данные отсутствовали.

Цель статьи – показать через призму архивных данных жизнь и деятельность известного крымскотатарского ученого Райме Муллиной, оказавшейся в результате эвакуации в Казахской ССР.

Актуальность исследования заключается в том, что информация об отдельных деятелях из числа крымских татар в довоенный период жизни была освещен в некоторых научных и публицистических трудах, а послевоенную – связывали по закономерным причинам с депортацией 1944 года. Однако при работе в архивах Казахстана были выявлены факты о том, что некоторые представители крымскотатарской интеллигенции были эвакуированы вначале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) из Крымской АССР в Казахскую ССР. В результате исследования были обнаружены абсолютно неизвестные детали из жизни и деятельности крымскотатарского писателя и журналиста Эюпа Гафарова (Булганаклы), режиссера и кинематографиста Эмира Ибрагимовича Фаика, режиссера и кинооператора Османа Велиуллаевича Зекки, кинодокументалиста Вячеслава Алиевича Белялова. Работа в архивах высших учебных заведений выявила факты о научно-педагогической деятельности крымскотатарского ученого-филолога и тюрколога Райме Муллина, неизвестные до настоящего времени в истории крымских татар.

Фото 1. Райме Мустафаевна Муллина
(<https://www.youtube.com/watch?v=tOrYHitP-MQ>)

В статье Б. В. Змерзлого упоминается об ученом Райме Мустафаевны Муллиной, что она: «1905 г. рождения. Семья Р.М. Муллиной проживала в г. Симферополе, отец занимался кустарным производством. По окончании, в 1927 г., Крымского государственного пединститута и аспирантуры Р.М. Муллина занимала должность преподавателя крымскотатарского языка и методики. Характеризовалась руководством вуза как добросовестный и перспективный научный работник». [4, С.23]

Также о деятельности ученого Р. Муллиной в довоенный период собрана информация в разделе об истории Крымского научно-исследовательский института (КрымНИИ), впоследствии Всекрымского НИИ национально-культурного строительства и краеведения, НИИ татарского языка и литературы имени А. С. Пушкина [5]. Кстати, сохранилась одна известная ее фотография.

Ссылаясь на данные, указанные в вышеприведенном источнике, даются следующие сведения: «Райме Сафаевна Муллина (1908–1989): известный ученый-языковед, кандидат филологических наук (1945 г.); училась в КПИ, здесь же окончила аспирантуру, до 1941 г. работала доцентом на кафедре крымскотатарского языка и литературы, преподавала крымскотатарский язык и методику» Также упоминается фамилия Р. Муллиной при перечислении фамилий известных выпускников КПИ, которые в дальнейшем состоялись как ученые КПИ. [6, с. 209-210.], [11], [12], [13], [14].

Фото 2. Студенты-заочники факультета татарского языка и литературы во время летней сессии, 1936 год

Как известно, крымские татары были высланы в республики Средней Азии, в Сибирь и на Урал. Нами была предпринята попытка показать крымских

татар сначала в роли статуса спецпереселенца, а затем и как полноправного гражданина СССР в истории Казахской ССР. В Казахстане доцент Райме Муллина была одним ведущих преподавателей кафедры казахского языка в Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. В дальнейшем предстоит работа в архиве Казахского государственного университета имени С. М. Кирова (ныне – Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби), для составления статических данных о преподавателях и студентах из числа крымских татар. Это позволит более подробно раскрыть место и роли крымских татар в социально-экономической жизни Казахстана.

Фото 3. Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе. Выпуск 1939 г. Факультет крымскотатарского языка и литературы. Профессорско-преподавательский состав (крымские татары): в верхнем ряду, в центре – декан факультета доцент А. Ислямов, во втором ряду справа – А. Фетислямов и Р. Муллина.

Выпускники: верхний ряд (слева направо): В. Умеров, Ф. Селимова, С. Ислямов, Ш. Ресулев, Е. Юрушева, А. М. Мефаев, Алиева, А. Бекташев, (... ?), М. Ганиева; нижний ряд (слева направо): А. Абдураимов, М. Суутов, Ю. Темиркая, Ш. Алимджанова, В. Меджитов, З. Мефаева, А. Усеинова, Ш. Умерова, У. Алиева, М. Меметов.

Депортированные в Казахскую ССР крымские татары на протяжении более чем полувека принимали активное участие в социально-экономическом развитии республики.

Известно, что работу КрымНИИ оборвала в 1941 году начавшаяся Великая Отечественная война, после освобождения Крыма от фашистских оккупантов в апреле 1944 г. коллектив Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе вернулся в Симферополь. Однако насильственное выселение крымскотатарского народа из Крыма в 1944 году сняло с повестки вопрос о его восстановлении: «В связи с прошедшей 18 мая 1944 года депортацией крымских татар было ликвидировано отделение крымскотатарского языка и литературы» [7, с.135.]

Довоенная трудовая деятельность Райме Муллиной до 1941 года в Крыму представлена в научных трудах крымских ученых, а о дальнейшей судьбе ученого ничего неизвестно. По итогам архивной обработки материалов, связанных с крымскими татарами, проживающими в Казахской ССР в статусе спецпереселенцев, нами были найдены сведения на 136 страницах о научной деятельности Р. Муллиной в архиве Казахского государственного университета имени С. М. Кирова (далее – КазГУ С. М. Кирова) (ныне – Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби). Выясняется, что доцент Райме Муллина была одним ведущих преподавателей кафедры казахского языка в Казахского государственного университета имени С. М. Кирова.

Из автобиографии Р. Муллиной:

«Я, Муллина Райме Мустафа, родилась в 1907 г. 17 декабря в г. Симферополя в семье кустара-часовщика-одиночка. Окончив начальную школу, поступила в женскую профессиональную школу. В 1919 году перевелась в Педагогический техникум, который окончила в 1922 году.

С конца 1922 г. начала работать преподавателем в 3-й татарской школе 1 ступени по 1926 г. Одновременно поступила в Крымский университет/ныне Пединст-т (от авт. - Педагогический институт) / на Восточный факультет и окончила в 1928 г., по окончании получила квалификацию татарского языка, литературы и краеведения.

С 1926 г. по 1929 г. работала в тат. (татарской) 9-ке в качестве групповода. С 1926 г. по 1930 г. одновременно работала по совместительству в русских школах 2 ступени и преподавала татарский язык.

В 1930 г. поступила в аспирантуру на отделение татарского языка и языкознания / за отсутствием руководителя меня откомандировали в Ленинград, где я проходила курс аспирантуры/.

Окончила аспирантуру 15/ VII 1933г. С 1933 г. по 15/X 1933 г. работала в ИПККНО в качестве методиста. С 15/IX -33 г. по 20/ XII 34 г. работала в Наркомпросе инструктором методистом в средней школе и одновременно работала в Крымском Пединституте в качестве основного преподавателя по методике татарского языка, руководителя педпрактикой и современного тат. (от авт. - татарского) языка. С 1932 по 1934 г. ассистентом, с 1934 по 1937 г. старш. (от авт - старшим) преподавателем, с 1937 г. по 1940 г. и.о. доцентом и 1941 г. т. е. до эвакуации в гор. Алма-Ата доцентом.

Одновременно с 15/XII 1936 г. по 1941 г. работала в научно-исследовательском институте языка и литературы им. Пушкина в качестве научного работника и с 1936 г. по 1939 г. работала ученым секретарем этого же института.

С 20/XII -41г. по 1/IX -1942 г. не работала по эвакуации. С 1/ IX 1942 г. по настоящее время работаю доцентом Казахского государственного университета на кафедре казахского языка и литературы.

С 1928 г. являюсь автором ряда учебников, методических пособий, программ и научных работ. Принимала активное участие в разработке нового алфавита на основе русской графики, являюсь соавтором нового алфавита, орфографии и орфографического словаря.

В 1941 году в Московском Институте Востоковедения защитила диссертацию и получила ученую степень кандидата филолог. наук. Общий педагогич. стаж 28 лет, из них 19 лет научно-педагогический стаж по вузу.

За время своего трудового стажа начиная с 1922 года по настоящее время по работе не имею никаких замечаний.

1/11 1951 г.

Подпись

/Муллина/» [8]

Примечание:

Текст архивного документа публикуется впервые. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; отдельные стилистические особенности и оценочные характеристики документа сохранены.

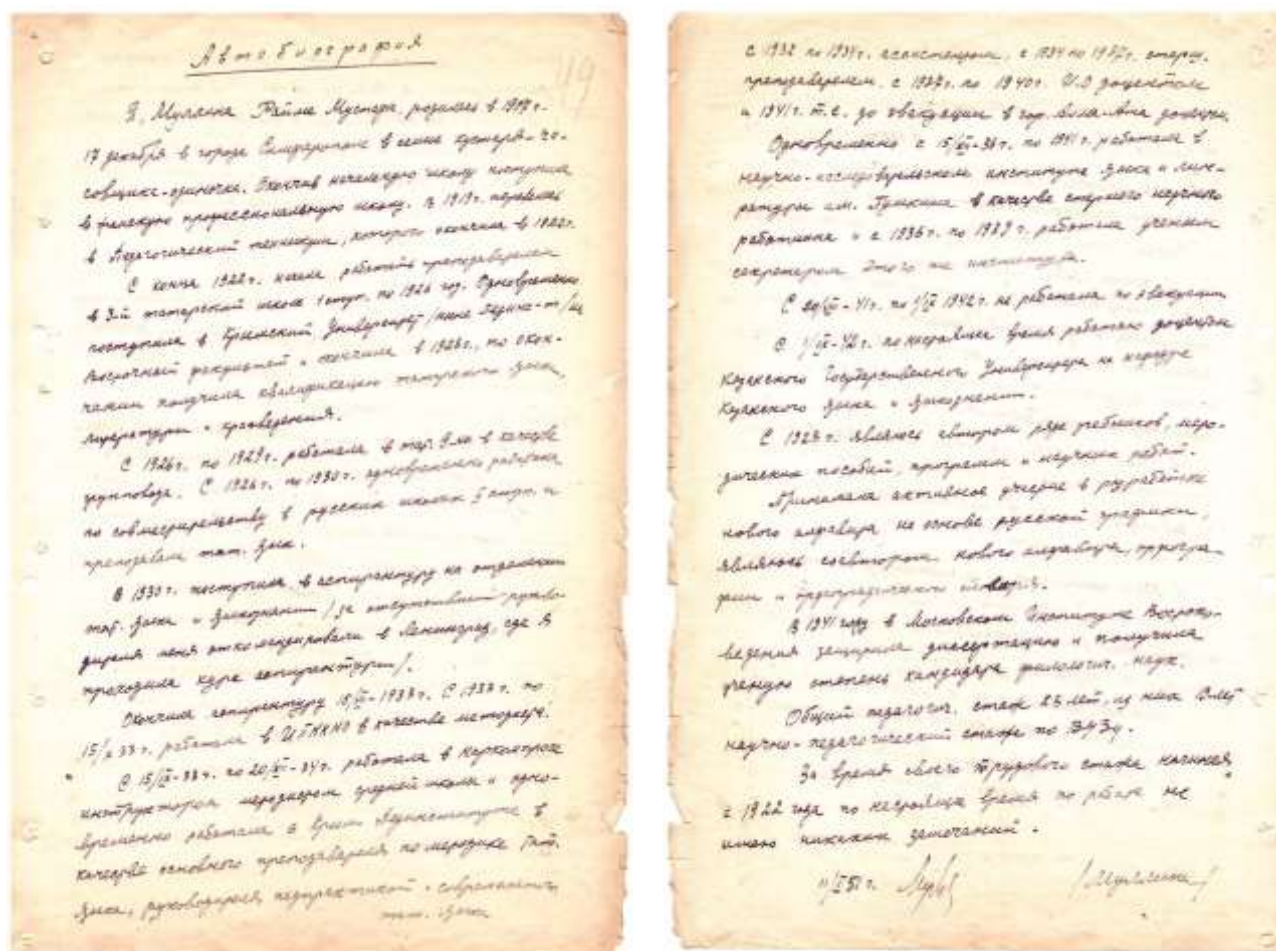

Фото 4. Собственноручно написанная автобиография Муллиной Р.

По сведениям источников, Крымские высшие учебные заведения вначале войны были эвакуированы в Краснодар, Дагестан, Казахстан, Азербайджан.

Заключение

Проанализированный материал показывает, что в архивах Республики Казахстан сохранились неизвестные факты об истории крымскотатарского народа, имеются персональные данные, которые позволяют раскрыть положение крымских татар в период с 1944 по 1970 годы. Архивные материалы и другие источники (газеты, архивы предприятий и учреждений) о крымских татарах подтверждают тот факт, что они внесли свой вклад в развитие промышленности, культуры, искусства и образования Казахской ССР.

Исследование еще находится в стадии изучения оставшихся архивных материалов и будет представлено в научных работах.

Список использованных источников и литературы:

1. Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.)). Новый исторический вестник. 2015. –№14. – С. 73-84.
2. Куманев Г.А. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/EVA.CO.HTM>
3. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 88. Д. 396. Л.79.
4. Змерзлый Б. Политические репрессии среди крымскотатарских преподавателей Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе /Б.В. Змерзлый // Культура народов Причерноморья. - 2004. - № 49. - т. 2. - С. 20–23.
5. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том I. г. Бахчисарай, - Симферополь: ООО ФОРМА. -2016
6. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том II. г. Бахчисарай, - Симферополь: ООО ФОРМА. -2016. С. 209-210.
7. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях, С. 135.
8. Архивный лист КазГУ С.М. Кирова.
9. Архив Президента Республики Казахстан.
10. Гольденберг М. А., Гольденберг М. Ш. Эвакуация населения из Крыма в 1941–1942 годах: планирование и достигнутые результаты // Вторая мировая война: История и историческая память. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Второй мировой войны. Под общ. Ред. Ю. В. Родовича. 2019. - Тула. - С. 72–78.
11. Ермекбай Ж. А. Из истории эвакуации гражданского населения в Казахстан в годы Великой Отечественной войны //Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». - 2021. - Т. 8, - № 1 (29). - С. 16–22.
12. История Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в документах и фотографиях / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный

университет имени В. И. Вернадского»; [А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. – Белгород: КОНСТАНТА, 2018. – 352 с.: ил., фот.

13. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. – 2006. – №6. – С. 7-27.

14. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том III. г. Бахчисарай, - Симферополь: ООО ФОРМА, 2018. – 392 с.

References:

1. ZHanguttin B.O. Evakuaciya sovetskogo naseleniya v Kazahstan (1941–1942 gg.)). Novyj istoricheskij vestnik. 2015. – №14. – S. 73-84.

2. Kumanev G.A. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/EVACO.HTM>

3. RGASPI F. 17. Op. 88. D. 396. L.79.

4. Zmerzlyj B. Politicheskie repressii sredi krymskotatarskih prepodavatelej Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze /B.V. Zmerzlyj // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. - 2004. - № 49. - t. 2. - S. 20–23.

5. Svod pamyatnikov istorii, arhitektury i kul'tury krymskih tatar. Tom I. g. Bahchisaraj, - Simferopol': ООО FORMA. -2016

6. Svod pamyatnikov istorii, arhitektury i kul'tury krymskih tatar. Tom II. g. Bahchisaraj, - Simferopol': ООО FORMA. -2016. S. 209-210.

7. Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiyah, S. 135.

8. Arhivnyj list KazGU S.M. Kirova.

9. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan.

10. Gol'denberg M. A., Gol'denberg M. SH. Evakuaciya naseleniya iz Kryma v 1941–1942 godah: planirovanie i dostignutyje rezul'taty // Vtoraya mirovaya vojna: Istoriya i istoricheskaya pamyat'. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu nachala Vtoroj mirovoj vojny. Pod obshch. Red. YU. V. Rodovicha. 2019. - Tula. - S. 72–78.

11. Ermekbaj ZH. A. Iz istorii evakuacii grazhdanskogo naseleniya v Kazahstan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny //Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». - 2021. - T. 8, - № 1 (29). - S. 16–22.

12. Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiyah / Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Krymskij federal'nyj universitet imeni V. I. Vernadskogo»; [А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. – Белгород: КОНСТАНТА, 2018. – 352 с.: ил., фот.

13. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. – 2006. – №6. – С. 7-27.

14. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том III. г. Бахчисарай, - Симферополь: ООО ФОРМА, 2018. – 392 с.

Изданные учебники по крымскотатарскому языку и литературе в 1930-е годы в Крымской АССР. Автор Р. Муллина

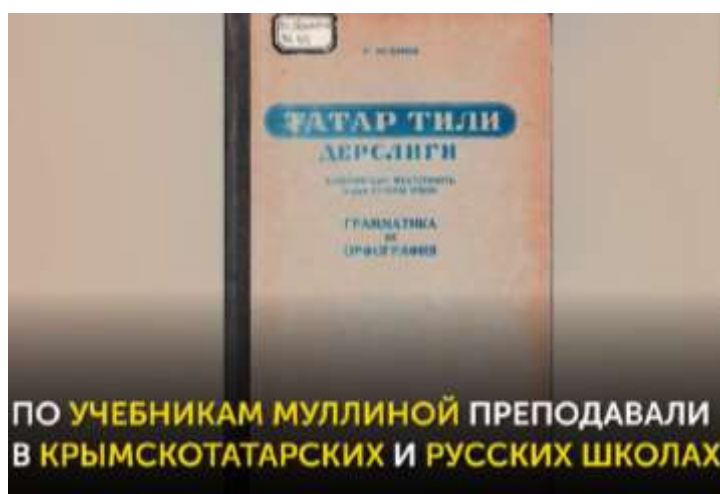

Фото 5. <https://www.youtube.com/watch?v=tOrYHitP-MQ>

Из семейного альбома

Фото 6. В кругу семьи

Фото 7. Райме Мустафиевна Муллина с сестрами

ASHARSHYLYQ: NEW QUESTIONS FOR FAMINE RESEARCH IN KAZAKHSTAN

Berikbol Dukeev*

*PhD, Political scientist, Nazarbayev University, <https://orcid.org/0000-0002-2767-1846>, e-mail: berikbol.dukeev@nu.edu.kz

On August 5-6, scholars from Kazakhstan and abroad gathered at Nazarbayev University in Astana for the international conference «The Consequences of the «Little October» Campaign in Kazakhstan: New Research, Findings, and Archival Evidence». Organised by the Project Office of the State Commission, the Ualikhanov Institute of History and Ethnology, and Nazarbayev University, the conference brought together researchers working on the causes, scale, regional experiences, and consequences of one of the greatest catastrophes in twentieth-century Kazakh history – the Asharshylyq.

The famine was inseparable from the radical transformation of Kazakh society under Soviet rule. Forced collectivisation, confiscation, sedentarisation, disruption of pastoral livelihoods, compulsory agricultural procurements, mass displacement, and political repression created catastrophic conditions. Yet despite considerable research in Kazakhstan and internationally, fundamental questions concerning the scale, mechanisms, and wider historical meaning of the catastrophe remain open.

One important issue discussed at the conference was why Soviet authorities continued compulsory procurement of grain, meat, livestock, and other agricultural products despite the developing humanitarian catastrophe. The crisis began to manifest itself by 1929 and developed into mass hunger and mortality in the following years. Understanding why coercive economic policies continued as the consequences became increasingly visible requires closer examination of both decision-making at the centre and its implementation in Kazakhstan.

This also raises a broader question concerning the relationship between famine and political power. The work of famine scholar Alex de Waal provides one possible framework for examining how political systems, authoritarianism, violence, war, and deliberate political choices can create or intensify conditions of mass starvation. Rather than automatically applying this framework to Kazakhstan, the extensive archival record now available makes it possible to test how far such approaches help explain the continuation of coercive policies during the Asharshylyq.

The influential work of Nobel Prize-winning economist Amartya Sen offers another perspective. Sen's entitlement approach demonstrated that famine cannot always be explained simply by an absolute shortage of food. The crucial question is also whether people retain effective access to food and the resources necessary to obtain it. Applied to Kazakhstan, this raises questions about how collectivisation, confiscation, compulsory procurement, sedentarisation, and restrictions on traditional economic practices transformed people's ability to sustain themselves.

The work of historian Andrea Graziosi provides a further comparative perspective by situating Soviet famines within the political history of Stalinism while

emphasizing the importance of recognising differences between the experiences of various peoples and regions of the Soviet Union. Bringing these international approaches into dialogue with Kazakhstan's growing body of archival evidence can help identify both the broader Soviet mechanisms of famine and the distinctive features of the Kazakh catastrophe.

Against this background, three interconnected research questions emerged as particularly important.

How Many People Died?

The first is perhaps the most familiar but remains methodologically difficult: how many people died during the Asharshylyq?

Establishing famine mortality requires more than identifying a single demographic figure. Researchers need to reconstruct the population before the crisis, calculate expected births and ordinary mortality, distinguish excess mortality from other demographic losses, and account for enormous population movements both within Kazakhstan and across Soviet and international borders.

Several conference presentations directly addressed these problems. Stephen Wheatcroft of the University of Melbourne examined quantitative indicators of the causation and scale of famine in Kazakhstan and the Soviet Union. Sultan Khan Zhusip addressed estimates of the number of victims and the population affected by the famine, while another presentation considered methodologies for estimating forced refugees. The debate therefore should not be reduced to competing headline numbers. The underlying methodological question is how famine mortality can be reconstructed as accurately as possible.

One promising direction is to combine demographic reconstruction with regional archival evidence and geographic information systems (GIS). Instead of relying solely on republic-level estimates, researchers could reconstruct mortality, migration, livestock losses, procurements, and relief at district and regional levels. This would allow scholars to identify geographical differences in the chronology and intensity of the catastrophe and potentially explain why some communities suffered disproportionately.

How Did Disease Contribute to Mass Mortality?

A second question deserves much greater attention: how did infectious diseases interact with malnutrition and displacement in producing mass mortality?

Famines rarely kill through lack of calories alone. Severe malnutrition weakens resistance to disease. At the same time, mass migration, overcrowding, deteriorating sanitation, and the breakdown of medical and social infrastructure can create conditions in which infectious diseases spread rapidly.

A person weakened by prolonged hunger, displaced from home, and subsequently dying from an infectious disease was nevertheless a victim of the famine environment. Distinguishing immediate causes of death from the wider causal chain is therefore essential.

Regional studies presented at the conference provide an important foundation. Researchers examined the famine in Torgai and Semey alongside questions of refugees, state institutions, repression, and archival evidence.

Future research should systematically incorporate medical and epidemiological sources: hospital documentation, sanitary reports, local administrative correspondence, mortality registers, and records concerning outbreaks of disease. Mapping this evidence alongside food procurement, livestock decline, population displacement, and relief could fundamentally improve our understanding of mortality.

The question must therefore move beyond «How many died?» toward «How did people die, where, and under what circumstances?»

Kazakhstan in the Global History of Famine

The third challenge is to place the Asharshylyq more extensively within comparative and global famine research.

The conference already moved in this direction. A session titled “Soviet Famines and Asharshylyq: Comparative Perspectives and Methodological Approaches” included Filip Slavski of the Australian National University discussing mass death during the Soviet famine of 1946-1947.

The comparative framework should extend further to major famines around the world. Comparison can illuminate questions that are difficult to answer when Kazakhstan is considered in isolation. What happens when governments continue extracting food from populations experiencing acute shortages? How does mass displacement affect mortality? What relationship exists between malnutrition and epidemics? Under what circumstances do governments acknowledge a famine, provide relief, or continue policies that aggravate the crisis?

Comparison does not mean equating different famines. The transformation of Kazakh pastoral society, forced collectivisation, confiscation, sedentarisation, compulsory procurement, and Soviet political repression created a historically specific configuration. The purpose of comparison is precisely to distinguish what was particular to Kazakhstan from mechanisms observable in other famine catastrophes.

Kazakhstan should therefore not simply be treated as another case to which theories developed elsewhere are applied. Its extensive archival evidence and particular historical experience can also contribute to international debates about famine, political power, economic entitlement, displacement, and mass mortality.

Archives, Statistics and Oral Memories

At the same time, understanding the Asharshylyq cannot depend exclusively on official documents and demographic statistics. Oral history provides evidence about how the catastrophe was experienced, remembered, and transmitted within families.

Research by Berikbol Dukeyev, Sabyr Kasymov, and Kuralai Sarsembina on intergenerational remembrance of the 1931–1933 famine demonstrates the persistence of famine memories across generations despite decades in which open public discussion of the catastrophe was limited. Their research identifies several channels through which memories were transmitted, including family stories about loss and survival, attitudes toward food, memories connected to particular places, and folklore.

This offers an important methodological complement to quantitative research. Statistics can help establish the scale of mortality. Medical records can illuminate mechanisms of death. State archives can reveal policies, implementation, and institutional decision-making. Oral memories can show how individuals and families experienced hunger, displacement, disease, survival, and loss.

Bringing these sources together provides an opportunity to reconstruct the famine simultaneously from above and below—from the institutions that implemented policies and from the communities that experienced their consequences.

From Dialogue to International Collaboration

The conference concluded with a reflective roundtable, “From Dialogue to Collaboration: Conceptualising the Asharshylyq and Charting Future Research,” aimed at identifying priorities for future collaborative research.

The discussions suggest that the next stage of Asharshylyq research should be genuinely interdisciplinary and international. Historians need to work alongside demographers, epidemiologists, geographers, and specialists in historical statistics. Kazakhstan’s researchers can also deepen dialogue with leading international famine scholars and seek methodological consultation on the growing body of archival, demographic, medical, and oral-history evidence.

The Asharshylyq was a defining catastrophe in twentieth-century Kazakhstan. Establishing the number of victims remains essential, but numbers alone cannot explain what happened. Future research must also determine how people died, how disease and displacement interacted with hunger, why policies that aggravated the catastrophe continued, and how Kazakhstan’s experience compares with other famines around the world.

This approach can move scholarship beyond debates over individual estimates toward a more comprehensive explanation of how the catastrophe unfolded. It can also ensure that research on the Asharshylyq does not remain isolated within Kazakhstan’s national historiography but becomes an important contribution to the global study of famine, mass mortality, and political power.

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ/ CONTENT

РЕДАКЦИЯДАН ОТ РЕДАКЦИИ FROM THE EDITOR	
Касымов С.А. АШАРШЫЛЫҚ – СЛЕДСТВИЕ «МАЛОГО ОКТЯБРЯ В КАЗАХСТАНЕ»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ	6
ЖАППАЙ САЯСИ ҚҰҒЫН-СҰҒЫН БОЙЫНША ФУНДАМЕНТТІК ЗЕРТТЕУ ӘДІСТЕМЕСІ МЕТОДОЛОГИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ METHODOLOGY OF FUNDAMENTAL RESEARCH ON MASS POLITICAL REPRESSION	
Айтхожин К.К., Муканова Г.К., Курмангалиева-Ержиласун Г. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В МЕТОДОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОФИСА ГОСКОМИССИИ	17
Абайдельдинов Е. М. РОЛЬ ПРОЕКТНОГО ОФИСА ГОСКОМИССИИ И ПОДКОМИССИИ ПО МЕТОДОЛОГИИ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПО НАУЧНО-ПРАВОВОМУ ИЗУЧЕНИЮ, ОЦЕНКЕ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ, А ТАКЖЕ В ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИХ ЖЕРТВ	37
ҚАЗАҚСТАННЫҢ БОСТАНДЫҒЫ, ТӘУЕЛСІЗДІГІ ЖӘНЕ АУМАҚТЫҚ ТҮТАСТЫҒЫ ҮШІН КҮРЕСУШІЛЕР – ҚҰҒЫН-СҰРГІН ҚҰРБАНДАРЫ БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ, НЕЗАВИСИМОСТЬ И ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАЗАХСТАНА – ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ FIGHTERS FOR FREEDOM, INDEPENDENCE AND TERRITORIAL INTEGRITY OF KAZAKHSTAN AS VICTIMS OF REPRESSION	
Муканова Г.К. ЖУСИПБЕК АЙМАУЫТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ НАХОДКИ	61
Исаева С.Н. ПРОБЛЕМЫ РАССЕКРЕЧИВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ	79

**ХАЛЫҚҚА ҚАРСЫ ЖАСАЛҒАН ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ОКТЯБРЬ
БАҒДАРЛАМАСЫНЫҢ ІСКЕ АСЫРЫЛУЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТРАГЕДИЯЛЫҚ
ЗАРДАПТАРЫ**

**РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИНАРОДНОЙ ПРОГРАММЫ МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ
В КАЗАХСТАНЕ И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

**IMPLEMENTATION OF THE ANTI-PEOPLE PROGRAM
LITTLE OCTOBER IN KAZAKHSTAN AND ITS TRAGIC CONSEQUENCES**

Жакишева С.А. БУХТАРМИНСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ В УСЛОВИЯХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ В ЗЫРЯНОВСКОМ РАЙОНЕ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОКРУГА	94
Сәрсембина Қ.Қ. «ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ҚАЗАН» КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚОНЫСТАНДЫРУ САЯСАТЫ – ҚАЗАҚСТАНДЫ КЕҢЕСТІК ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ОТАРЛАУ ФОРМАСЫ РЕТІНДЕ	121
Асанова Г.К. ЖЕРГІЛІКТЕНДІРУДЕН БАС ТАРТУ «ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ҚАЗАН» РЕВОЛЮЦИЯЛЫҚ САЯСАТЫН КҮШТЕП ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДЫҢ ҚҰРАМДАС БӨЛІГІ РЕТІНДЕ (1920-1930 ЖЖ.)	139
КЕҢЕСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДІН ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІ МЕН СЕНУШІЛЕРДІҢ ТАҒДЫРЫ СУДЬБЫ ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ В СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ THE FATES OF THE CLERGY AND BELIEVERS IN SOVIET KAZAKHSTAN	
Балтабаева К.Н. МАГДИ МАКУЛОВ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МУСУЛЬМАНСКОГО ДЕЯТЕЛЯ И БОГОСЛОВА	157
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАЗАЛАУШЫ ОРГАНДАРЫҢ ҚЫЗМЕТІ МЕН ҚЫЛМЫСТАРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КАЗАХСТАНЕ ACTIVITIES AND CRIMES OF PUNISHMENT BODIES IN KAZAKHSTAN	
Сергалиев М.Х. ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРЕССИВНОЙ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ	183

Сулейменова А.Т. РЕСПУБЛИКАЛЫҚ БАҚЫЛАУ КОМИССИЯЛАРЫНЫҢ ҚҰЖАТТАРЫ ҚАЗАҚСТАНДА 1925–1933-ЖЫЛДАРЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН НАУҚАНДАРДЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗІ РЕТІНДЕ	201
ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР ЖӘНЕ АРНАЙЫ ЖЕР АУДАРЫЛҒАНДАР ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН И СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ DEPORTATION OF PEOPLES TO KAZAKHSTAN AND SPECIAL SETTLERS	
Абдулхаиров А.З., Баяхметов С.У. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЙМЕ МУЛЛИНОЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	229
Berikbol Dukeev ASHARSHYLYQ: NEW QUESTIONS FOR FAMINE RESEARCH IN KAZAKHSTAN	243

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және Қоғамдық даму министрлігінің
Ақпарат комитетінде тіркелген
тіркеу № KZ39VPY00050349

Біздің мекен-жайымыз:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Қабанбай батыр даңғылы
11/5, «Нұрлы Орда» Бизнес-орталығы, А корпусы, 8 қабат, каб. 804, 811
Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі
Мемлекеттік комиссияның жобалық кеңсесі
телефон: +7 (7172) 47-20-31 (қос. 102, 202)
e-mail: qakharmandar@gmail.com; project.office456@gmail.com